

Кроме того, специальные нормы об ответственности за отдельные виды принуждения предусматривают применение физического насилия либо в качестве альтернативного угрозе способа принуждения (например, принуждение к забастовке или отказу от участия в ней (ст. 200 УК), либо как основание повышения ответственности за принуждение (ч. 2 ст. 163 УК и др.). В теории уголовного права относительно соотношения общих и специальных норм доминирует мнение о том, что специальная норма должна обладать всеми признаками общей нормы и конкретизировать один или несколько родовых признаков. В рассматриваемом аспекте законодательная формулировка общей нормы, предусматривающей ответственность за принуждение, выглядит, по крайней мере, непоследовательной.

Наличие социальных оснований для криминализации и необходимость строгого учета логических правил юридической техники позволяют говорить о целесообразности дополнения ст. 185 УК ч. 2 следующего содержания: «То же действие, совершенное с применением насилия». Характерно, что по пути криминализации принуждения, совершаемого как путем угроз, так и посредством применения физического насилия, как правило, идет и зарубежное законодательство.

УДК 343.2

И.И. Лапцевич

ЗАЧЕТ ВРЕМЕНИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ В СРОК НАКАЗАНИЯ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Лица, совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, не являются субъектами уголовной ответственности, а лица, заболевшие после совершения преступления психическими расстройствами (заболеваниями), не подвергаются наказанию. Такие лица в силу болезненного состояния психики не могут правильно воспринимать характер возлагаемых на них ограничений и подвергаться их исправительному воздействию. Поэтому судом им могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения.

Вместе с тем лица, заболевшие психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, после совершения преступления (до постановления приговора; после постановления приговора, если лицо еще не направлено для отбывания наказания; во время отбывания наказания) являются субъектами уголовной ответственности. Только лица, относящиеся к указанной категории, и только в случае их выздоровления и, соответственно, прекращения судом применения в отношении них принудительных мер безопасности и лечения могут быть привлечены к уголовной ответственности или уже назначенное наказание может быть приведено в исполнение (ст. 104 УК). В такой ситуации обязательно исследованию подлежат вопросы: не истекли ли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 83 УК), исполнения обвинительного приговора (ст. 84 УК)? нет ли иных оснований для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания (ст. 87, 92, 95, 96 УК)?

Время, в течение которого лицо находилось на принудительном лечении, засчитывается в срок назначенного судом наказания. При этом один день принудительных мер безопасности и лечения соответствует одному дню лишения свободы (ст. 105 УК). Если лицо осуждается к наказанию, не связанному с лишением свободы, расчет производится в соответствии с положениями ст. 74 УК (например, один день принудительных мер безопасности и лечения соответствует одному дню ареста, двум дням ограничения свободы, трем дням исправительных работ или ограничения по военной службе, 24 часам общественных работ).

Уголовный закон устанавливает общее требование о зачете времени применения принудительных мер безопасности и лечения в срок наказания, не дифференцируя его в зависимости от вида применяемых к лицу мер. Однако в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» разъясняется, что «время нахождения лица в психиатрическом стационаре, независимо от того, применялась ли к нему мера пресечения в виде заключения под стражу, подлежит зачету в срок отбывания наказания». Аналогичное разъяснение содержится и в «Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь» (Минск, 2010 г.).

В сравнение с отечественным УК в УК Российской Федерации закреплено, что «в случае излечения лица, у которого психическое расстройство наступило после совершения преступления, при назначении наказания или возобновлении его исполнения время, в течение которого к лицу применялось принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, засчитывается в срок наказания из расчета один день пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, за один день лишения свободы» (ст. 103).

Такой подход вызвал дискуссию среди российских ученых. Изучая данный вопрос, Г.В. Назаренко отмечал: «Отдельные авторы полагают, что при таком подходе законодатель необоснованно отождествляет наказание (меру, применяемую в отношении преступников) и принудительное лечение (меру, применяемую в отношении психически больных). Более того, по мнению Н.А. Ныркова, зачет времени принудительного лечения в срок отбытого наказания ставит под сомнение такие уголовно-правовые принципы, как законность и справедливость. Однако эти суждения представляются излишне категоричными, поскольку законодатель не отождествляет наказание и принудительное лечение, а устанавливает принцип пропорциональности их сроков. Формулируя норму о зачете времени принудительного лечения в срок наказания, законодатель учитывает, что применявшиеся меры, как и наказание, имеют принудительный характер, а пребывание в психиатрическом стационаре существенно ограничивает правовой статус лица и фактически лишает его свободы, так как осуществляется в

соответствии с режимными требованиями, предполагающими постоянный либо интенсивный контроль. Совершенно иной подход законодатель демонстрирует к такой мере медицинского характера, как принудительное наблюдение и лечение у психиатра: правило зачета на данный вид принудительного лечения не распространяется. Представляется также обоснованной позиция С.В. Бородина: „Амбулаторное лечение... не налагает на больного существенных ограничений“. Больной, хотя и проходит психиатрическое лечение, фактически находится на свободе. Такой подход вполне согласуется с принципом справедливости, согласно которому меры уголовно-правового характера должны соответствовать всем обстоятельствам дела и особенностям личности виновного лица».

Если рассматривать национальное законодательство, то УК определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, так как является единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь (ст. 1). В связи с чем, полагаем, следует непосредственно в ст. 105 УК закрепить положение о зачете в срок наказания времени нахождения лица в психиатрическом стационаре, исключив возможность применения этих норм при прохождении лицом принудительного амбулаторного наблюдения и лечения у врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи. Указанное дополнение будет способствовать устранению законодательной неопределенности в данной части.

УДК 343.97

В.Ф. Лапшин

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной российской научной литературе высказываются претендующие на научную обоснованность мнения о том, что ситуация в части противодействия экономической преступности стала стабилизироваться приблизительно с 2003 г. под влиянием усиления вертикали федеральных органов власти, поскольку наблюдается устойчивое снижение количества регистрируемых экономических преступлений на протяжении последнего десятилетия.

Несмотря на столь благоприятную статистическую динамику, факт объективного снижения приводимых показателей экономической преступности совсем не свидетельствует о действительно положительных изменениях в сфере противодействия преступности в сфере экономической деятельности. В то же время объективный факт увеличения дефицита бюджета Российской Федерации начиная с 2012 г. заставляет задуматься о действительном нивелировании для государства угрозы, которую до сих пор представляет экономическая преступность, отличающаяся высокой степенью латентности.

Снижение количества уголовных дел, возбуждаемых по фактам совершения преступлений в сфере экономической деятельности, на самом деле обусловлено административно-управленческими и законодательными решениями, а не в связи с деятельностью правоохранительных органов по выявлению и пресечению указанных общественно опасных посягательств. Этот вывод подтверждается анализом изменений уголовного законодательства начиная с 2003 г., а также результатами реформирования правоохранительных органов России, среди которых ликвидация специализированного правоохранительного органа – Федеральной службы налоговой полиции.

Проводимая государством с конца XX – начала XXI в. уголовная политика неоправданно часто менялась в зависимости от состояния отечественной экономики – от ужесточения уголовной ответственности за совершаемые в сфере экономики деяния, общественная опасность которых была весьма сомнительной, до установления специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления, сводившихся преимущественно к полному возмещению имущественного ущерба, причиненному в результате совершения преступного посягательства.

С декабря 2009 г. уголовная политика России стала определяться либерализацией уголовного реагирования на экономическую преступность. Первыми результатами данных политических решений стали федеральные законы о значительной корректировке отдельных норм гл. 22 УК. Существенное увеличение сумм криминообразующих признаков всех без исключения составов преступлений в сфере экономической деятельности позволило вести речь о масштабной декриминализации соответствующих деяний в связи с утратой ими общественной опасности. Уровень криминализации большинства деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, объективно в 2010 г. был увеличен почти в пять раз по сравнению с аналогичным показателем декабря 2003 г., что, безусловно, свидетельствует об ослаблении уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих противоправные действия в процессе осуществления экономической деятельности.

Еще одной разновидностью указанного выше процесса либерализации можно признать исключение уголовной ответственности за совершение нарушений лицензионных требований, что ранее признавалось разновидностью общественно опасного деяния – незаконного предпринимательства, предусмотренного ст. 171 УК. Также Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ гл. 11 УК дополнена ст. 76.1, а затем и ст. 76.2, предусматривающими специфические виды освобождения от уголовной ответственности, сущность которых фактически сводится к уплате необходимой суммы в федеральный бюджет за законный уход от применения мер уголовно-правового реагирования.

Справедливости ради следует отметить, что процесс изменения и дополнения норм гл. 22 УК не был сведен к смягчению мер уголовно-правового реагирования на экономическую преступность. В рассматриваемый период времени УК дополнен нормами об ответственности за общественно опасные деяния, совершаемые на фондовом рынке и посягающие на права и законные интересы инвесторов, учредителей (участников) хозяйствующих субъектов: обществ, товариществ и др., – ст. 170.1, 185.2–185.5. В этой же части уголовный закон определил в качестве преступлений действия, которые совершаются